

В.В. Мартынов

О КЕЛЬТО-СЛАВЯНСКИХ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

Эти строки написаны нами вскоре после ухода из жизни Олега Николаевича. Ему были присущи в высшей степени, как об этом писал В.Н. Топоров, “глубокая пронизательность и выдающаяся интуиция”, качества, необходимые большим ученым, что также оказалось важным для возрождения гипотезы о дунайской прародине славян.

В посмертно опубликованном “Проблемном авторезюме” Олег Николаевич писал: “... славяно-кельтские контакты, разработка их следов и их локализация, кажется, могли бы помочь выработать компромиссный вариант между такими принципиально разными концепциями, как польская автохтоническая теория славянской прародины на Висле и Одере и новый современный вариант дунайской прародины славян, выдвигаемый автором настоящей книги”¹.

В свое время, еще без достаточных для этого оснований, мы поддержали концепцию Трубачева, имея в виду возможность параллельного существования славян на Висло-Одерском пространстве и “южных границах”. Олег Николаевич по этому поводу писал: “В.В. Мартынов в своих устных выступлениях отметил актуальность нынешних поисков южных границ праславянского ареала, допуская их паннонскую (придунайскую) локализацию, в частности славяно-кельтские контакты именно на этой территории”².

Таким образом, речь шла о разновременном продвижении кельтов: с юга на север (дунайская ориентация) и с востока на запад (висло-одерская ориентация). Временной разрыв между ними мы пока не уточняли. Более глубокое изучение славяно-кельтских контактов, как предположил О.Н. Трубачев, поможет получить объективный ответ.

Здесь мы ограничимся тем, что нам удалось сделать за последнее время. Как было подтверждено нами на XIII Международном съезде славистов в Любляне, “славяно-германское лексическое взаимопроникновение древнейшей поры (в соответствии с формулировкой Мартынова в монографии 1963 г. – В.М.) отражает соседские контакты населения культуры подклошевых погребений с племенами ясторфской (германской. – В.М.) культуры”³.

Академик В.В. Седов в своем докладе на последнем съезде славистов дал такое определение: “Следующий этап в истории славян характеризуется их тесными контактами с кельтами”³. Продолжая развивать эту мысль, автор пишет: “Одним из надежных свиде-

тельств о проживании славян римского периода в Висло-Одерском регионе являются лексические славизмы, фиксируемые в древнеанглийском языке, основу которого, как известно, составили диалекты англов, саксов и ютов (Мартынов В.В., 1998 г.)⁴. “Очевидно, что в III–IV вв. саксы и англы междуречья Одера и Эльбы контактировали со славянами...”⁵.

К сожалению, мы не имели доказательств наличия или отсутствия контактов между кельтами и славянами в условиях до раннего латена (в V–III вв. до н.э.). Ответ на этот вопрос целиком зависел от определения географического положения кельтов в то время. По словам Яна Филипа, “начиная с V в. до н. э. название “кельты” быстро распространялось в тогдашней Европе, но то, что было до V в., долго оставалось загадкой”⁶.

Во многом загадкой по-прежнему остается вклад кельтской культуры в восточноевропейские территории, “с конца VI века в них появляются греческие привозные изделия – в середине тысячелетия в инвентаре все больше заметно влияние средиземноморских зрелых культур”⁷.

Однако прежде чем в достаточной мере изучить греческую составляющую, необходимо вернуться к почти одновременной с ней кельтской. Здесь нас ждут неожиданности.

Для того, чтобы привести имеющиеся данные к возможно полному виду, необходимо сопоставить традиционные кельтизмы у славян с известными, главным образом, по работам Ю. Покорного⁸ и учесть данные Е. Налепы из его богатой фактами книги⁹. Сопоставляя их с работой, проведенной нами, мы обнаруживаем значительные несовпадения¹⁰.

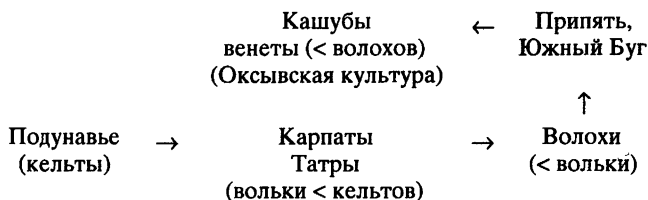
Перейдем к повторному, важному для наших целей, рассмотрению восточнославянского *колтун* ‘длинные жесткие волосы на голове у мужчины’. При этом обратим внимание на кашубско-древнеирландскую параллель – соответственно *kaltun* и *calath*. То, что последнее полностью совпадает с предшествующей, подтверждается цитатой из книги Яна Филипа о кельтской манере смазывать волосы каким-то известковым раствором.

Архаическую кашубскую форму *kalt* вряд ли следует рассматривать как безаффиксную. Скорее всего, она отражает свое первичное значение ‘кельт’. Ср. кельтские названия племен *Caleti*, *Caletes*, которые К. Мошинский¹¹ связывал с древнегреческим *καλιττα*. Что касается кашуб. *kaltun*, то это форма предполагает соответствующее глагольное образование типа польск. *kietać*¹².

Переходим теперь к рассмотрению “верной мысли” Шафарика о том, что *волохи* это *кельты*¹³ (что в дальнейшем подкрепляется у О.Н. Трубачева решением проблемы *невров*, и в целом достигается гармоничное представление о кельтском этнониме *Volcae* во-

лохи < волки)¹⁴. Последствия этого заключения оказываются весьма значимыми. Они отражают первичную ситуацию в регионе Карпат и Татр после проникновения кельтов из Подунавья. В первую очередь это касается последующих многократных кочевых переселений волохов.

Обращаем внимание на карты, представленные Г.П. Клепиковой в ее монографии “Славянская пастушеская терминология”¹⁵. Схематически эти события представляются следующим образом:

Пути передвижения “валашских” пастухов могут рассматриваться как результат похода кельтов от карпатского ареала в обход его с выходом на Припять и Южный Буг. Именно такая направленность кельтов помогает нам понять проблему их проникновения на Балтику под именем венетов¹⁶.

Римские авторы не оставляют никаких сомнений в появлении венетов на балтийском побережье. Кельтское происхождение последних подтверждается галльским племенем венетов, зафиксированным в известном труде Юлия Цезаря. В дальнейшем это имя было перенесено на славян, которые заняли часть территории Оксывской культуры (современные кашубы и их окружение).

В заключение обратимся к двум заметным фигурам кельтской мифологии и их балто-славянским соответствиям. Мы имеем в виду др.-ирл. *at baill* ‘умирает’, кимр. *ballu* то же, ст.-слав. *жаль* ‘гробница’, др.-прусск. *gallan* ‘смерть’ (ср. *Жля* в “Слове о Полку Игореве” и *Giltiné* – воплощение смерти)¹⁷.

Др.-ирл. *Macha* ‘влажная, тучная, плодородная’ – *Mokošь* ‘влажная, сырая земля’. Кроме этих значений, *Macha* входит в военную группу женских божеств, а *Mokošь* – в ряд запретов, связанных с женским трудом¹⁸. К числу других (параллельных) характеристик *Mokoši* можно отнести персонажи словенской колдуньи *Mokoški* или русской *Бабы-Яги*. Здесь мы обращаем внимание на славянскую анаграмму *Jag-Gaj* (ср. др.-иранск. *Yazata-* ‘божество’, *yaz-* ‘приносить в жертву’). Обращаем внимание и на другую известную аналогию: *Мать-сыра земля* – *Ardui Sura Anahita* (сырая – сильная).

И, наконец, последнее, не менее важное. В.Н. Калыгин пишет, что балтийско-славянские теонимы *Белобог* – *Чернобог* семантически полностью соответствует кельтским *Albio* – *Dubno*. При этом он

замечает: "... Универсальность элементарной оппозиции заставляет быть предельно внимательным при реконструкции, чтобы не принять типологическое сходство за генетическое"¹⁹. Сейчас, когда мы знаем о кельтском происхождении этих корреляций в кашубской зоне и ближайшем окружении, нет необходимости видеть в этом другие возможные причины. Тем более что представленная нами схема демонстрирует движение кельтов от Подунавья к прибалтийским кельтам – венетам.

Примечания

- ¹ Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. Изд. 2-е, дополненное. М., 2003, 7.
- ² Там же, 63–64.
- ³ Седов В.В. Славяне в римское время // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
- ⁴ Там же, 4.
- ⁵ Там же, 15.
- ⁶ Ян Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, 11.
- ⁷ Там же, 20.
- ⁸ Pokorny I–II; Pokorny J. Zur Urgeschichte der Kelten und Illyrier // ZfceltPh, 20, 21, Halle-Saale, 1938.
- ⁹ См. Nalepa J. Słowiańszczyzna północno-zachodnia. Lund, 1967.
- ¹⁰ См. Мартынов В.В. Кельто-славянские этноязыковые контакты // Мовознаўства. Літаратура. Культуралогія. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з’езд славістаў, Любляна, 2003. Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003, 87–104. Ср. Мартынов В.В. Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян. М., 1983. (Славяно-кельтские языковые контакты, с. 35–46, с учетом известных работ А.А. Шахматова, Т. Лер-Сплавинского, Б. Махека, М. Рудницкого и критики первого из них со стороны М. Фасмера и К. Буги).
- ¹¹ См. Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Warszawa, 1957, 82–86.
- ¹² Ср. Popowska-Taborska H. Szkice z Kaszubszczyzny. Gdańsk, 1998, 46–48.
- ¹³ См. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян... 45.
- ¹⁴ Там же, 49.
- ¹⁵ Клепикова Г.П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках карпатского ареала. М., 1974, 18–20.
- ¹⁶ См. Milewski T. Teoria, Typologia i Historia języka. Nazwy z obszaru Polski pochodzenia o pochodzenie wenezyjskie lub iliryskie. Kraków, 1993, 323–357.
- ¹⁷ Топоров. Прус. яз. Е–Н, 142–143.
- ¹⁸ См. соответственно Kalyguine V. Deux correspondances de vocabulaire mythologique entre les langues celtiques et balto-slaves // ZfceltPh. Bd. 49, 50, 1997, 367–372. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К реконструкции Мокоши как женского персонажа в славянской версии основного мифа // Балто-славянские исследования, 1982. М., 1983, 182, 187, 189, 192, 194, 195.
- ¹⁹ Калыгин В.Н. Истоки древнеирландской мифопоэтической традиции. Научный доклад. М., 1997, 16.